

Преследование чехов и граждан Чехословакии в СССР в 1918-1945 гг.

Мечислав Борак

In: Školnyje uroki po teme „Istorija političeskich repressij i soprotivlenije nesvobode v SSSR“. Naučn. red. I. A. Mišina. Moskva, Izd. Prava človeka 2012, s. 534-542. ISBN 978-5-7712-0437-6.

Школьные уроки по теме "История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР". науч. ред. И. А. Мишина. Права человека, 2012, с. 534-542. ISBN 978-5-7712-0437-6.

Мечислав Борак, профессор, доктор (Ph.D), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Силезского университета в г. Опава (Чехия).

Тема: «Преследование чехов и граждан Чехословакии в СССР в 1918-1945 гг.»

Уважаемые дамы и господа! В бывшей Чехословакии, как в Советском Союзе, так и в других странах тогдашнего социалистического лагеря запрещалось говорить о политических репрессиях. На протяжении почти полувека после окончания Второй мировой войны запрещалось говорить также о том, что среди жертв политических репрессий в Советском Союзе было много чехословацких граждан и граждан других национальностей, проживавших на территории Чехословакии, а также лиц, принадлежавших к чешскому меньшинству национальному в Советском Союзе. Но даже после падения коммунистического режима не были предприняты шаги к изучению ставших доступными советских архивов. Начало исторических исследований, которые могли дать исторические обобщения и оценку данной проблематики... Нельзя сказать, что общественность была равнодушна к этому вопросу. Читательская популярность тематики ГУЛАГа говорит об обратном, но конкретных фактов в наличии не было. Их заменяли, как правило, некачественные оценки, что скорее способствовало муссированию старых и созданию новых мифов и легенд. В чешской печати, к примеру, сообщалось, что через советские лагеря прошло 120 тысяч чехов и что из Словакии в конце войны и после нее было депортировано в Советский Союз 100 тысяч словаков. Это не правда, но не выясненные вопросы нередко становятся предметом политических спекуляций. Поэтому задача историков состоит в том, чтобы очистить

действительность от примеси политических интересов. Однако у них тоже есть задача: не проходит ни одной недели, чтобы мы не получили письмо с просьбой, найти кого-нибудь из родственников, которые исчезли много лет тому назад где-нибудь на востоке и до сих пор не были найдены. Задача историков - помочь найти пропавших, т.к. родственники хотят знать, по какой причине они были арестованы, какова их судьба, где они похоронены, когда это случилось. Запросы идут до сих пор, хотя нет прямых свидетельств, но уже третье поколение, внуки, а их много сотен людей, все еще не знают о судьбе своих родственников. Поэтому мы проводили исторические исследования в рамках проектов Министерства иностранных дел, Академии наук, и сегодняшний проект Агентства по грантам Чешской республики «Формы и масштабы преследования чешских граждан и жителей чешских земель в Советском Союзе». Было осуществлено изучение документов в центральных государственных и военных архивах Российской Федерации, в российских музеях, различных организациях, прежде всего «Мемориала», и даже некоторых архивах Украины. Полученные результаты были сопоставлены с результатами исследований в чешских архивах. Эти исследования подтвердили предварительную гипотезу о масштабах политических репрессий, расширили существующие представления о формах и эволюции механизма репрессий. В этой книге содержатся результаты исследований. В библиотеке музея и центра имени Сахарова есть не только эта книга, но и еще несколько книг, желающие могут их посмотреть, там есть резюме на русском языке. В рамках этих проектов возникла компьютерная база данных жертв репрессий, включающая уже почти три тысячи имен. Кем были эти люди, эти репрессированные? Можно найти три основные категории этих лиц. Первая категория – это чешские граждане и чехи, жившие в Советском Союзе, от конца Первой мировой войны до Второй мировой войны. Сюда, прежде всего входят чешские legionеры, пленные австрийской армии, которые после окончания Первой мировой войны не вернулись домой, остались жить в России или на Украине, женились, их были тысячи. Потом - члены чешского национального меньшинства в Советском Союзе. Чехи приходили еще в царскую Россию, не только за землей, но и за работой. Известные чешские музыканты или преподаватели физкультуры, специалисты сахарных и пивоваренных заводов, и других профессий жили почти в каждом большом городе. Были чешские деревни, на Украине, прежде всего на Волыни, Галичине, а также на территориях, вошедших в

состав Советского Союза уже в ходе Второй мировой войны в 1939 году. Это касалось также Западной Волыни, которая была в Польше, или Буковины, которая также входила в Польшу. В 1940 году румынские части Буковины и Бессарабии, там тоже были чешские деревни, тоже вошли в Советский Союз. Потом перед началом Отечественной войны все местные жители были депортированы разным транспортом в Сибирь. Позже были эмигранты. Были не только политические эмигранты - коммунисты, которые позже стали жертвами политических репрессий, но были и специалисты, которые приезжали за работой. Были такие компании, например, шахтеры приезжали в Донецк на различные работы. В Средней Азии были чешские кооперативы. Позже, перед угрозой войны перебежчики спасались от нацистов, словаки в Подкарпатской Руси спасались от венгерских фашистов. Подобно тем полякам, которые были в первых отрядах, военнотружущие чехословацких военных формирований были также интернированы в Советский Союз.

Разные группы: например, евреи. Интересно, что, например, первые депортации европейских евреев из Австрии из Вены, из бывшей Польши из Катовиц, из города Остравы из Чехии были уже в октябре 1939 года. Это организовал Эйхман. Пять тысяч евреев были депортированы на восток Польши, оккупированной уже несколько недель Германией, чтобы они сами для себя организовали концлагерь. В этом лагере остались только пятьсот евреев, более четырех тысяч евреев немцы выгнали за реки Сан и Бук на территорию Советского Союза и за самовольный переход границы они получили ГУЛАГ. Те, которым удалось укрыться или имели знакомых на окраинах Львова, были взяты в депортациях весной 1940 года и тоже попали в ГУЛАГ. Тяжело им потом было пережить две зимы. Позже была амнистия, и они могли войти в Чехословацкое войско Людвиг Свободы и участвовать в войне.

Есть еще одна интересная группа: это, так называемые, катынские жертвы чехословацкого происхождения. Об этом позже будет фильм, который вы увидите, и об этом я еще расскажу несколько позже. Еще одна группа – это были депортированные из Чехословацкой республики в самом конце войны и после нее. Еще одна, третья группа – это военнопленные с территории Чешской республики.

Можно найти три группы, три категории репрессированных. Первая, те, которые были заключены в ГУЛАГи или тюрьмах, вторая – незаконно казненные и третья – это интернированные или военнопленные, родом из Чешских земель.

Те, которые были в ГУЛАГе: уже с первых дней советского режима уже сотни людей чешского происхождения были в лагерях. Правда, сначала они были заключены на относительно короткие сроки от нескольких недель до нескольких месяцев, но начиная уже с 1927 года число заключенных возросло, особенно в областях поселения чешских общин, которые больше других пострадали во время коллективизации в начале 30-х годов. Они были богаче и были названы кулаками. После некоторого затишья, с начала 1937 года пришел большой террор, волна арестов и жестоких репрессий, казней, которые коснулись всех национальных, социальных, этнических групп населения, включая и коммунистов. Военные годы, потом послевоенное развитие до 1956 года, когда в тюрьмах осталось только несколько десятков чешских граждан. Все были уже репатриированы.

Группа казненных насчитывала тоже несколько тысяч человек. Например, в Московской области нет кладбища жертв политических репрессий, где бы не было каких-либо чешских лиц. Они были уже в первых захоронениях, начала 20-х годов. Например, на памятнике на территории Яузской больницы одним из первых значится имя чеха **Рода**. Они лежат на Ваганьковском кладбище, начиная с 20-30-х годов, и потом в большой террор несколько десятков лиц расстреляны в Коммунарке, и еще большее число, почти 70 – на полигоне в Бутово. Их там лежит много, потому что там были расстреляны члены правления Московской области. Не ни одного места захоронения, где бы не было людей чешской национальности. Много их в Левашово, под Петербургом, также в Иркутске, Владивостоке, Хабаровске, Барнауле, на Восточной железной дороге тоже было много чешских граждан, много в Куропатах вблизи Минска или в Биковне на окраине Киева, во всех городах, где жили чешские меньшинства, например, в таком городе как Житомир. Это небольшой региональный город, и там захоронены 20 тысяч жертв политических репрессий. Нам удалось найти среди них 300 чехов. Большинство из них было расстреляно в 1938 году, летом и осенью, когда уже закончился большой террор. Чехов арестовали, потому что другие категории были уже репрессированы, расстреляны и стали арестовывать всех, кто был иной национальности. Чехи были тоже во всех этих национальных операциях НКВД – против немцев, поляков. Среди японских «шпионов» есть несколько десятков чехов, потому что они работали на железной дороге рядом с границей с Китаем и их обвинили в шпионаже.

Что касается тех, кто был депортирован в самом конце войны: когда приближался фронт, в тылу проводились превентивные аресты. Это касалось не только лиц немецкой национальности, но и словацкой, венгерской национальности и белой эмиграции в Праге и других городах Чехии: русских, украинцев, и, прежде всего, тех, которые жили здесь много лет и были уже чешскими гражданами, а также некоторых чехов, словаков, русинов, евреев. Нам удалось выяснить, что таких было в Чехии как минимум пятьсот, в Словакии словацких граждан - как минимум пять тысяч, и много тысяч венгерских и русинских граждан. Как было с этими интернированными? Военнопленные – не чистые жертвы, очевидно, это были солдаты армии, которые воевали против Советского Союза, против коалиции. Некоторые заслужили эти наказания, но среди этих военнопленных были не только немцы, были из Чехословакии. Было почти 70 тысяч, это были судетские немцы, но среди них были чехи из районов Тешинской Силезии или Гульчинской Силезии, которые были принуждены к службе в вермахте, хотя были они чешского происхождения.

Очень была интересна судьба этих интернированных чехословацких солдат, которые в Польше в самом начале войны в сентябре 1939 года создали Чехословацкий легион и потом были интернированы в лагерях для интернированных в **Подольске, Ольховцах, Ярмолинцах, Оранках, Суздале и группа в Чешском Квасилове**. Мы очень внимательно отследили по документам, что хотя был надзор органов НКВД над этими интернированными, была в лагерях агентурная сеть НКВД, были информаторы среди чехословацких военнослужащих и рапорты об антисоветских настроениях, что способствовало тому, что некоторых военнослужащих отвезли в Москву и посадили в тюрьму, однако это военное подразделение в целом за время своего интернирования репрессировано не было, как ранее говорили у нас в прессе.

Однако перебежчики, которые уже сидели в ГУЛАГе за нелегальный переход государственной границы, после нападения Германии на Советский Союз были освобождены по амнистии. Были предприняты усилия сосредоточить всех этих граждан в Чехословацкой воинской группировки в Советском Союзе и были проекты по освобождению интернированных чехословаков, включая заключенных ГУЛАГа и военнопленных. Военные чехословацкие миссии в Москве добивались объявления амнистии, контролировали ход освобождения этих лиц и выясняли

количество заключенных, умерших и тому подобное. Им удалось освободить много волынских и киевских чехов, словацких военнопленных и особенно много тысяч беженцев из тогдашней Подкарпатской Руси, которые долго не освобождали из лагерей, поскольку советские власти считали их венгерскими подданными, и только после сложных дипломатических переговоров они были освобождены. В конце концов, целенаправленные репрессии против конкретных групп можно увидеть в депортации представителей русской и украинской белой эмиграции, известной своим неприятием советского режима, и в жертвах репрессий в Катыни, поляков, расстрелянных за службу польскому государству. Это были, главным образом поляки, родившиеся на чешской территории, бывшие граждане Чехословакии.

Однако, большинство людей, прошедших лагеря и испытавшие на себе депортацию, стали жертвами репрессивной политики советского тоталитарного режима, прежде всего в связи с раскулачиванием, затем шпиономанией в конце 30-х – начале 40-х годов. Кроме того, репрессии были систематически направлены против отдельных народов, как например, против поляков, эстонцев. Против чехов отдельно репрессии не проводились, хотя советская национальная политика чувствительно их коснулась, включая депортации. Наш проект подтвердил, что заявления публицистов о сотнях тысяч чехословацких жертв ГУЛАГа и депортаций, не имеют под собой реальной основы. Он также показал, что чехи и чехословацкие граждане, жившие в Советском Союзе, подвергались практически всем видам репрессий, применявшихся против коренного населения Советского Союза: от казней по приговорам особых трибуналов, заключения и депортации в ГУЛАГ, до принудительной эмиграции, всех видов высылки, ссылки как они назывались. Определить масштаб репрессий можно только по отношению к конкретным группам репрессированных и он всегда будет разным, в зависимости от того, что принимается во внимание: национальность, гражданство, территория Чехословацкой республики, территория сегодняшней Чешской республики. Если возьмем территорию довоенной Чехословацкой республики, то политические репрессии могли коснуться примерно 37 тысяч граждан, если возьмем территорию сегодняшней Чешской республике, то можно говорить о 5 тысячах человек. Примерно половина из них в результате репрессий погибла.

Эти исследования будут еще продолжаться, потому что, как я уже говорил, это очень важно для родственников, установить фамилии жертв. К настоящему моменту имеется уже 3 тысячи конкретных имен жертв, и мы будем еще продолжать.

Я хотел бы поблагодарить организаторов, за то, что меня пригласили, и вам всем за внимание. Спасибо.

Колтановская Е.Э. Спасибо, Мечислав. У нас сегодня еще фильм. Мечислав историк, но он стал и автором сценария фильма, который вы сейчас увидите. Правильно я понимаю? Сейчас вы посмотрите этот фильм. В фильме интервью будут на чешском языке, какие-то на русском, но титры будут на английском языке и Ян поможет нам понять, что говорят интервьюеры на чешском языке. Спасибо. Немного будет сложно, но постарайтесь. Титры на английском языке, потому что авторы рассчитывают, что большинство людей знает английский. Но так складывается, что у нас есть возможность помочь вам. Пожалуйста. Вопросы - после фильма, письменно, если можно, то с авторством. Пожалуйста, включайте.

Идет демонстрация документального фильма **«Преступление по имени Катынь»**, сюжет и сценарий Мечислава Борака, постановка Петра Велихова, длительность 57 мин.

Колтановская Е.Э. Мы сейчас посмотрели документальный фильм, наверняка многие из вас посмотрели художественный фильм Анджея Вайды «Катынь», более эмоциональный, но и этот фильм тем, что он такой теплый и документальный, конечно очень сильно эмоционально потрясает. Пришли записки и мне хотелось бы, чтобы Вы на них ответили. Первый вопрос звучит так: «Как можно говорить о Катыни, чтобы эта правда была не убивающей, а очищающей? Спасибо». Второй вопрос: «Как Вы понимаете «восстановление исторической памяти»? Ирина Пономарева».

Мечислав Борак Сам не знаю, возможно ли так сделать, чтобы эти грозные события могли быть чистыми, очищающими. Геннадий Жаворонков там сказал, и это были одни из последних слов, потому что он несколькими днями позже после съемки умер, он хотел еще больше сказать, но это не позволили в больнице. Он сказал, что покаяния еще не было, что оно еще не возможно, что общество еще не хочет об этом говорить, потому что живут еще люди, которые были причиной. Думаю, что когда придут новые поколения, будет уже возможно говорить обо всем этом, и тогда покаяние и очищение будет возможным. Литература, которую я вижу в

магазинах, книги, и их много, много, не только прямо сталинистская, но и которая говорит о том, что Катынь сделали немцы и что это пропаганда Запада. И такая книга не одна, их много, я видел. Книги, которые говорят, что репрессии были нужными, потому что Сталин потом смог спасти Советский Союз в войне, и подобные глупости. Счастье, что здесь есть такие институты как Музей имени Сахарова или «Мемориал», или РОССПЭН, или иные, которые говорят правду. Надеюсь, что дела, которые лежат в архивах, которые нужны для работы историков, прежде всего те, которые лежат в архивах Министерства внутренних дел и до которых историков не допускают, будут открыты. Сейчас отвечают и у меня есть такие письма, что нужно подождать 75 лет от того момента, когда появились эти документы. Это значит, что документы о большом терроре надо ждать еще 2-3 года, но это очень долго ждать, почти столетие на правду. Надеюсь, что еще за мою жизнь я смогу увидеть эти документы, эти материалы, которые до сих пор еще не смог увидеть. Не знаю, что больше сказать.

Об исторической памяти. Память – всегда индивидуальная, собственная, личная. Если останутся только те, которые не участвовали в войне, не знают о том, что были политические репрессии, потом тяжело будет обновлять эту память на эти исторические моменты, эти трагические страницы. Сейчас такая ситуация, например, несколько дней назад умер последний солдат Первой мировой войны в Австралии, ему было 110 лет. И теперь уже в мире нет ни одного свидетеля Первой мировой войны. Когда-нибудь будет так, умрут все, кто видел Вторую мировую войну, но для общества, для цивилизации, нужно эту память держать, обновлять. Каждый год и каждый человек должен об этом знать. Информация об этом должна быть везде доступна для каждого, в школах дети должны этоучить, другого пути нет. Как говорили финны, в людях есть все – и добро и зло. Защита, оборона только в информации: надо знать, как это случилось, по какой причине. Это одна из последних возможностей.